

Семейная пара. Франц Кафка

Положение дел в целом настолько нехорошо, что иногда, когда у меня остаётся время после работы в конторе, я беру в руки чемоданчик с образцами и делаю визиты к покупателям сам. Среди прочих дел, я давно собирался сходить к Н., с которым раньше состоял в постоянной деловой связи, на которая в прошлом году по неизвестным мне причинам почти оборвалась. Такие происшествия могут даже не иметь никаких реальных причин; в нынешней неустойчивой обстановке решающим может оказаться любой пустяк — или настроение; и точно так же любой пустяк, любое слово может снова привести всё в порядок. Добраться до Н. достаточно сложно; он старый человек, в последнее время очень болезненный, и хотя он по-прежнему держит дела в своих руках, в конторе появляется очень редко; чтобы поговорить с ним, нужно идти к нему домой, а подобную деловую прогулку всегда хочется отложить на потом.

Однако вчера, около шести вечера, я всё же отправился туда; время было, правда, для визитов уже не подходящее, но ведь я шёл не в гости, а по коммерческим делам. Мне повезло. Н. был дома; он только что, как мне сказали в прихожей, вернулся с женой с прогулки и сейчас находился в комнате сына, который был болен и лежал в постели. Мне предложили пройти туда же; вначале я засомневался, но потом желание расправиться со злополучным визитом победило, и меня, всё ещё в пальто, шляпе и с чемоданчиком в руках, проводили через тёмную комнату в другую, залитую матовым светом, где собралось небольшое общество.

Видимо, повинясь инстинкту, мой взгляд в первую очередь наткнулся на слишком хорошо знакомого мне делового агента, отчасти — моего конкурента. Значит, он всё-таки успел пробраться сюда до меня. Он удобно располагался совсем рядом с кроватью больного, как если бы он был врач; он сидел в своём красивом, раскрывшемся, вздувшемся пальто и выглядел могущественно; его наглость неслыханна; возможно, что-то похожее думал и сам больной, лежавший с немного покрасневшими от жара щеками и иногда бросавший на агента взгляд. Он, в смысле, сын, был, кстати сказать, уже не молод, мужчина моего возраста с короткой, несколько одичавшей за время недомогания бородой. Старший Н., высокый, широкоплечий, но, к моему удивлению, сильно исхудавший, сгорелый и потерявший уверенность из-за пробиравшей его изнурительной болезни человек стоял в шубе, только что вернувшись с прогулки, и что-то тихо говорил сыну. Его жена, маленькая и немощная, но очень оживлённая, даже если только по отношению к мужу, — нас, остальных, она едва ли замечала, — сосредоточенно снимала с него шубу, и её, как и его действия, несколько затрудняла их разница в росте, но, в конце концов, им это удалось. Возможно, на самом деле основная трудность заключалась в том, что Н. был очень нетерпелив и беспокойно шарил руками в поисках кресла, которое, как только шуба оказалась снята, ему поспешно пододвинула жена. Сама она подхватила шубу, почти утонув под ней, и вынесла её вон.

Тут я понял, что моё время пришло, или точнее сказать — не пришло и уже больше не придёт; если я ещё собирался совершить попытку, то сейчас же, поскольку чувство мне подсказывало, что условия для делового разговора будут только ухудшаться; оставаться же здесь на все времена, как это, кажется, намеревался проделать агент, было бы не в моём стиле; а впрочем, его-то я как раз и не собирался принимать во внимание. Так что я, не раздумывая долго, стал излагать своё дело, несмотря на то, что Н. как раз решил поговорить с сыном. К сожалению, когда я бываю возбуждён — а это происходит очень быстро, и в комнате этого больного произошло ещё быстрее, чем обычно — у меня появляется привычка вставать и расхаживать туда-обратно во время разговора. В собственной конторе такая вещь вполне к месту, в чужой же квартире это немного неловко. Но я не мог с собой справиться, особенно потому, что мне не хватало привычной сигареты. Ну что же, у каждого есть свои дурные привычки, при этом мои ещё выигрывают в сравнении с привычками агента. Что, например, можно подумать, когда он, держа шляпу на колене и медленно передвигая её туда и обратно, вдруг ни с того ни с сего надевает её на голову; правда, он сейчас же её снимает, как будто надел её случайно, но один-то момент она продержалась у него на голове, и так это повторяется не раз с некоторой постоянностью. Такое предствление уже и вправду следует назвать недозволенным. Мне оно, вообще говоря, не мешает, я хожу туда-обратно, занятый собственными рассуждениями и смотрю мимо него, но наверняка найдутся люди, которых этот шляпный трюк выведет из терпения. Вообще, в своём рвении я не замечаю не только этой маленькой помехи, но и совсем никого и ничего, хоть я и вижу, что происходит вокруг, но не обращаю толком внимания, пока не закончу говорить или не услышу прямых возражений. Так что я вполне заметил, что Н. был более-менее не в состоянии ничего воспринимать; положив руки на подлокотники, он с неудовольствием ворочался в кресле, его взгляд был направлен не на меня, а бессмысленно обшаривал пустоту, как будто его не достигал ни звук моих слов, ни даже осознание моего присутствия. Всё это, оставившее мне мало надежды болезненное поведение я замечал, но продолжал говорить, как будто рассчитывал своими словами, своими выгодными предложениями — я испугался сам уступкам, которые делал, уступкам, которых никто не просил, — снова привести всё в равновесие. Определённое удовлетворение я находил в том, что агент, как я мельком заметил, оставил, наконец, шляпу в покое и скрестил руки на груди; мои разъяснения, частью предназначавшиеся и для его ушей, казалось, нанесли его расчётам заметный удар. В охватившем меня приятном чувстве я мог бы ещё долго распространяться, если бы не сын, которого я как фигуру для меня второстепенную до сей поры не замечал, — он приподнялся на постели и, угрожая кулаком, заставил меня молчать. Он хотел, видимо, ещё что-то сказать или показать, но у него не осталось на это сил. Сначала мне показалось, что он в лихорадке, но когда я невольно взглянул на Н., всё более-менее прояснилось.

Н. сидел с открытыми, остекленелыми, вытаращенными, вот-вот откажущими служить глазами, наклонившись вперёд, как будто кто-то сзади схватил или ударил его по затылку, нижняя губа, нет, вся нижняя челюсть с сильно обнажившимися бледными дёснами бесконтрольно отвисла, всё лицо состояло из провалов; он ещё дышал, хоть и тяжело, но потом, как будто что-то отпустило его, он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, выражение какого-то большого напряжения коснулось его лица, и тут настал конец. Я подскочил к нему, взял безжизненно повисшую, холодную руку, меня пробрала дрожь; пульса не было. Так что — всё кончено. Что тут скажешь — старый человек. Пусть наша смерть будет не тяжелее, чем его. Но сколько ж теперь предстояло дел! И во всей суете — что в первую очередь? Я огляделся, ища помощи; но сын натянул на голову одеяло, из-под него доносились его непрекращающиеся всхлипы; агент холодно, как жаба, глубоко сидел в своём кресле в двух шагах от Н. и, очевидно, твёрдо решил не двигаться с места, выжидая время; так что оставался я, один только я мог что-то сделать, и притом сразу же самое тяжёлое, а именно — сообщить жене новость в сколько-нибудь переносимом виде, то есть в таком виде, которого на свете не существует. До меня уже доносились из соседней комнаты поспешные шаркающие шаги.

Она принесла — всё ещё в верхней одежде, у неё не было времени переодеться — ночную рубашку, прогретую на печи, и собиралась надеть её на мужа. «Он уснул,» — сказала она, улыбаясь и качая головой, найдя нас в такой тишине. И с бесконечным невинным доверием она взяла его за ту же руку, которую я только что держал со страхом и пересиливая себя, поцеловала её, как в маленькой

супружеской игре и — как мы трое осмелились на это смотреть! — Н. повернулся, громко зевнул, дал надеть на себя рубашку, с недовольной и ироничной гримасой снёс нежные упрёки жены в переутомлении на слишком долгой прогулке и сказал что-то странное о скуке, пытаясь объяснить нам по-своему то, что он заснул. После этого, чтобы не застудиться на пути в другую комнату, он лёг ненадолго в постель к сыну; его голову устроили на двух принесённых женой диванных подушках у сыновних ног. После всего происшедшего мне это уже не показалось странным. Он спросил вечернюю газету, развернул её без всякого уважения к гостям, но читать не стал, лишь просмотрел пару мест и при этом высказал нам с удивительным деловым чутьём — несколько весьма неприятных слов касательно наших предложений; при этом он делал жесты свободной рукой, отмахиваясь от нас, и пощёлкивал языком, давая нам понять, как гадко у него во рту от нашей деловитости. Агент не смог воздержаться от неуместных замечаний, ему в его неотёсанном уме, наверное, даже казалось, что здесь, после того, что произошло, нужно всё как-то уладить, но уж конечно, не таким способом, как это пытался сделать он. Я быстро попрощался; я чувствовал себя почти благодарным агенту, потому что, если бы не он, я бы не решился уйти так быстро.

В прихожей я ещё раз столкнулся с госпожой Н. При взгляде на её ничтожную фигурку я сказал в задумчивости, что она немного похожа на мою мать. И так как она продолжала молчать, то я добавил: «Что бы ни говорили — она умела творить чудеса. То, что мы ломали, она умела сделать как новое. Я потерял её ещё в детстве.» Я нарочно говорил медленно и внятно, так как предполагал, что она плохо слышит. Но она, по всей видимости, была совсем глухая, потому что спросила без всякого перехода: «А как вам внешний вид моего мужа?» Из пары прощальных слов я понял, что она перепутала меня с агентом; а мне хотелось думать, что ей можно доверять.

Потом я спустился вниз по лестнице. Спуск был сложнее, чем до этого подъём, который тоже нельзя было назвать лёгким. Ах, какие неудачные бывают деловые прогулки, и этот груз нужно продолжать нести.